

Николай Бердяев

**Новое средневековье.
Размышление о
судьбе России**

Николай Александрович Бердяев

Новое средневековье.

Размышление о судьбе России

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177255

Н.Бердяев Смысл творчества (сборник): Фолио, АСТ; Москва; 2002

ISBN 966-03-0750-0, 5-17-001045-1

Аннотация

«... Три этюда, объединенные в этой книжке, были написаны в разное время в течение последних полутора лет. Они не только внутренне едины, но в них повторяются и развиваются основные мысли в новой связи. <...> Мысли мои будут поняты верно, если они будут поняты динамически. Всякое статическое их понимание всегда будет ложно. Меня интересуют судьбы человеческих обществ в движении. ...»

Содержание

Предисловие	4
Новое средневековье	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Николай Бердяев

Новое средневековье

Размышление о судьбе России

Предисловие

Три этюда, объединенные в этой книжке, были написаны в разное время в течение последних полутора лет. Они не только внутренне едины, но в них повторяются и развиваются основные мысли в новой связи. «Размышление о русской революции» и «Демократия, социализм и теократия» написаны по преимуществу в критической форме и имеют своей целью вскрытие отрицательных начал. «Новое средневековье» написано в форме положительной, и в этом этюде я пытаюсь наметить возможные пути выхода из мирового кризиса. Мысли мои будут поняты верно, если они будут поняты динамически. Всякое статическое их понимание всегда будет ложно. Меня интересуют судьбы человеческих обществ в движении.

Берлин, 5 июля 1924 г.

Новое средневековье

В истории, как и в природе, существуют ритм, ритмическая смена эпох и периодов, смена типов культуры, приливы и отливы, подъемы и спуски. Ритмичность и периодичность свойственны всякой жизни. Говорят об органических и критических эпохах, об эпохах ночных и дневных, сакральных и секулярных. Нам суждено жить в историческое время смены эпох. Старый мир новой истории (он-то, именующий себя все еще по старой привычке «новым», состарился и одряхлел) кончается и разлагается, и нарождается неведомый еще новый мир. И замечательно, что этот конец старого мира и рождение нового одним представляется «революцией», другим же представляется «реакцией». «Революционность» и «реакционность» так сейчас перепутались, что потерялась всякая отчетливость в употреблении этих терминов. Эпоху нашу я условно обозначаю как конец новой истории и начало *нового средневековья*. Я не предсказываю, каким путем необходимо пойдет история, в хочу лишь проблематически начертать идеальные черты и тенденции нового типа общества и культуры ¹. Мысли мои часто совершенно превратно понимают и из них делают совершенно неправильные выводы.

¹ Этот этюд может быть чем-то вроде программного разъяснения к мыслям, развитым в моем «Конце Ренессанса» (см. «София») и в книгах «Смысл истории» и «Философия неравенства».

Я объясняю это тем, что мой образ мыслей истолковывают в категориях новой истории, что его хотят отнести к одному из направлений новой истории, в то время как существо моей мысли в том и заключается, что все категории мысли новой истории, все ее направления кончены и начинается мышление иного мира, мира нового средневековья. Духовные начала новой истории изжиты, духовные силы ее истощены. Рациональный день новой истории кончается, солнце его заходит, наступают сумерки, мы приближаемся к ночи. Все категории пережитого уже солнечного дня непригодны для того, чтобы разобраться в событиях и явлениях нашего вечернего исторического часа. По всем признакам мы выступили из дневной исторической эпохи и вступили в эпоху ночную. Это чувствуют наиболее чуткие люди ². Плохо ли это, мрачно ли это, пессимистично ли это? Самая постановка такого рода вопросов совершенно неверна, глубоко антиисторична, слишком рационалистична. Падают ложные покровы, и обнажается добро и зло. Ночь не менее хороша, чем день, не менее божественна, в ночи ярко светят звезды, в ночи бывают откровения, которых не знает день. Ночь первозданнее, стихийнее, чем день. Бездна (Ungrund) Я. Бёме раскрывается лишь в ночи. День набрасывает на нее покров. Тютчев, великий поэт ночной стихии, поведал нам тайну соотноше-

² О мировом кризисе, о смене эпох говорят Шпенглер, Кейзерлинг, Шпани, Т. Лессинг, Г. Ферреро, у нас Р. Виппер, все люди очень разных мировоззрений. Из писателей-художников наиболее чувствителен к историческому кризису А. Белый.

ния дня и ночи:

Над этой бездной безымянной
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День – сей блистательный покров.
...Настала ночь;
Пришла – и с мира рокового

Ткань благодатную покрыва
Собрав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ней и нами:
Вот отчего нам ночь страшна!

Когда наступают сумерки, теряется ясность очертаний,
твердость границ.

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул;
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...

Тютчев характеризует это время как «час тоски невыразимой». Мы живем в этот час смешения, в час тоски, когда бездна обнажилась и все покровы сброшены. Тютчев называет ночь «святой» и вместе с тем говорит, что в час ночи

... Человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред этой бездной темной...
И чудится давно минувшим сном
Теперь ему все светлое, живое
И в чуждом, неразгаданном ночном
Он узнает наследье роковое.

Ночь метафизичнее, онтологичнее дня. Дневной покров не только в природе, но и в истории непрочен, он легко скрывается, в нем нет глубины. И весь смысл нашей эпохи, столь несчастливой для внешней жизни отдельных людей, в обнажении бездны бытия, в стоянии лицом к лицу перед первоосновой жизни, в раскрытии «наследья рокового». Это и означает вступление в ночь,

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами.
Настанет ночь, и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.
То глас ее: он будит нас и просит.
Уж в пристани волшебной ожил чёлн...
Прилив растёт и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.
Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины.
И мы плывем, пылающею бездной

Со всех сторон окружены.

Тютчева принято считать поэтом природы, ее ночной стихии. Стихи его, посвященные истории, совсем иные, они написаны еще при свете исторического дня. Но Тютчев глубже, чем думают. Он – вещее явление. Он предшественник ночной исторической эпохи, провидец ее. Поэтом наступающей ночи был и А. Блок. «Развязаны дикие страсти под игом ущербной луны». Он видел не «зори», как думает про него и про себя А. Белый, а наступающие сумерки ночи. Оба они сами не понимали своих предчувствий и давали ложную символику грядущей «революции». Революция не восход, не заря, не начало нового дня, а закат, сумерки, конец старого дня. Мы вступаем в период исторического странствования, про которое можно сказать: «мы плывем, пылающею бездной со всех сторон окружены»; «прилив растет и быстро нас уносит в неизмеримость темных волн». А вспомните прославление ночи у Микеланджело, в его «дне и ночи». День может изолгаться, порядок дня может истомить, энергия дня – истощиться, покровы дня – разложиться. Человек, живущий на поверхности, может стосковаться по общению к первоосновам, первоистокам бытия. Самый процесс движения в глубину, в недра должен прежде всего производить впечатление угасания дневного света, погружения во тьму. Старая символика исторической плоти рушится, и человечество ищет новой символики, которая должна выра-

зить совершающееся в духовной глубине.

День истории перед сменой ночью всегда кончается великими потрясениями и катастрофами, он не уходит мирно. Закат исторического дня античного мира сопровождался и большими потрясениями и катастрофами, он давал чувство безвозвратной гибели. Начало новой эпохи сопровождается варваризацией. В исторический космос, образованный античной цивилизацией, ворвались хаотические силы. И мы всегда должны помнить, что страшные войны и революции, крушение культур и гибель государств не только создаются злой волей людей, но также посылаются Провидением. Мы живем в эпоху, аналогичную эпохе гибели античного мира. Тогда был закат культуры несоизмеримо более высокой, чем культура нового времени, чем цивилизация XIX века. Тогда не могли еще понять, что Платон – величайшее явление культуры эллинской – был обращен к грядущей ночной эпохе, был уже выходом за пределы эллинского дня. И в наши дни есть еще историки, как, например, Белох, которые видят в Платоне реакцию против поступательного, прогрессивного хода греческого просвещения и греческой цивилизации. Да, конечно, реакцию, но реакцию, которой суждено было длиться очень долго, тысячелетия, реакцию, обращенную вперед, к грядущей эпохе. Таким реакционером суждено, вероятно, быть Достоевскому. Средневековье можно назвать ночной эпохой всемирной истории. И это совсем не в смысле «мрака средневековья», выдуманного просветите-

лями новой истории, а в более глубоком и онтологическом смысле слова. Новым средневековьем я называло ритмическую смену эпох, переход от рационализма новой истории к иррационализму или сверхнационализму средневекового типа. Пусть просветителям новой истории это представляется мракобесием. Меня это мало беспокоит. Я думаю, что сами эти просветители – люди в высшей степени «отсталые», что образ мыслей их совершенно «реакционный» и целиком принадлежит отживающей эпохе. Я исхожу из глубокого убеждения в том, что нет возврата ни к тому образу мыслей, ни к тому строю жизни, которые господствовали до мировой войны, до революции и потрясений, захвативших не только Россию, но и Европу и весь мир. Все привычные категории мысли и формы жизни самых «передовых», «прогрессивных», даже «революционных» людей XIX и XX веков безнадежно устарели и потеряли всякое значение для настоящего и особенно для будущего. Все термины, все слова, все понятия должны употребляться в каком-то новом, более углубленном, более онтологическом смысле. Скоро неловко, невозможно уже будет употреблять слова, применяя к ним старые квалификации «прогрессивности» или «реакционности». Скоро слова получат свой подлинный онтологический смысл. Скоро для всех будет поставлен вопрос о том, «прогрессивен» ли «прогресс» и не был ли он часто довольно мрачной «реакцией», реакцией против смысла мира, против подлинных основ жизни. Условимся в употреблении слов,

чтобы избежать совершенно лишних и праздных споров о словах.

Русские люди очень любят обсуждать вопрос о том, реакционно ли что-либо или нет. Им даже это представляется главной задачей всякой критики. Это есть старинный обычай русской мыслящей интеллигенции. Можно было надеяться, что революция отучит от этой дурной привычки. Но нет, и до сих пор у нас ведут бесконечные и нудные споры о том, что реакционно и что прогрессивно, как будто не перевернулось все в мире вверх ногами, как будто бы старые интеллигентские критерии сохранили еще хоть какой-либо смысл. Попробуйте применить к эпохам всемирной истории ваши критерии реакционности или революционности, правости или левости. Тогда понятна станет вся смехотворность этих критериев, весь жалкий провинциализм мысли, протекающей в этих категориях. В эпоху падения античного мира и явления христианства «реакционно» было отстаивать начала античного просвещения и античной цивилизации и в высшей степени «прогрессивно» и даже «революционно» было отстаивать те духовные начала, которые потом восторжествовали в средневековой культуре. Творческое движение вперед, революция духа того времени вели к «мраку средневековья». Не последние граждане, не последние писатели и философы античного мира, а отцы и учителя Церкви были людьми подлинного движения духа.

В эпоху Ренессанса, на заре новой истории возврат к античности, к древним началам культуры был творческим движением вперед. Ж. де Местр, романтическое движение начала XIX века были реакцией против французской революции и просвещения XVIII века, но это было творческим движением вперед, оплодотворившим всю мысль последующего века. Можно было бы сказать, что «реакционным» является возврат к недавнему прошлому, к тому строю мыслей и строю жизни, которые господствовали до начала революции, переворота и кризиса ³. Так, после французской революции совершенно реакционно было возвращение к духовному и материальному строю XVIII века, который и привел к революции, и совсем не реакционно возвращение к средневековым началам, к вечному в них, к вечному в прошлом. К слишком временному и тленному в прошлом нельзя вернуться, но можно вернуться к вечному в прошлом. В наше время «реакционным» нужно признать возврат к тем началам новой истории, которые восторжествовали окончательно в обществе XIX века и ныне разлагаются. Призыв задержаться на началах новой истории и есть «реакция» в глубочайшем смысле слова, помеха на путях творческого движения. Старый мир, который рушится и к которому не должно быть возврата, и есть мир новой истории с его рационалистическим просвещением, с его индивидуализмом и гума-

³ Эта мысль прекрасно развита кн. Н. С. Трубецким в статье «У дверей (Реакция? Революция?)» в сборнике «Евразийский временник».

низмом, с его либерализмом и демократизмом, с его блестящими национальными монархиями и империалистической политикой, с его чудовищной индустриально-капиталистической системой хозяйства, с его могущественной техникой и внешними завоеваниями и успехами, с безудержной и безграничной похотью жизни, с его безбожием и бездушием, с разъяренной борьбой классов и социализмом как увенчанием всего пути новой истории. Мы охотно готовы пропеть слова революционной песни «Отречемся от старого мира», разумея под «старым миром» этот мир новой истории, обреченный на гибель.

Когда мы говорим, что какой-либо исторический мир обречен на гибель, мы, конечно, не хотим сказать, что ничего от этого мира не останется, что в нем ничего нет для вечности, что само существование его было абсолютно бессмысленным. Этого нельзя сказать ни про какую историческую эпоху. Не случайно была пережита новая история. В ней было великое напряжение человеческих сил, великое испытание человеческой свободы. Мы не хотим забыть Леонардо и Микеланджело, Шекспира и Гёте, и всех великих проводников свободы человека. Гуманистическое самоутверждение было существенным моментом в судьбах человеческого духа, и опыт, пережитый в нем, не пропадет даром, обогатит человека. Ересь гуманизма, созданная новой историей, поставила великую тему, и в ней была своя искаженная история. В новое средневековье войдет опыт свободы, пере-

житый в новой истории, и все положительные завоевания совести и большая утонченность души. После опыта новой истории невозможно вернуться к старому средневековью, возможно лишь новое средневековье, как после опыта средневековья невозможен был возврат к старому античному миру, а возможно было лишь Возрождение, представлявшее очень сложное взаимодействие христианских и языческих начал. Не погиб окончательно античный мир, не погиб окончательно и мир средневековый, хотя и для того, и для другого мира наступил свой исторический час смены. Так и сейчас исторический мир переживает великую революцию – не коммунистическую революцию, которая в глубине своей совершенно «реакционная» и есть лишь гниение разложившихся элементов старого мира, а революцию духа. Призыв к новому средневековью в нашу эпоху и есть призыв к революции духа, к новому сознанию. Гуманизм новой истории изжит и во всех сферах культуры и общественной жизни переходит в свою противоположность, приводит к отрицанию образа человека. Это я выяснил в статье «Конец Ренессанса» и книге «Смысл истории». Гуманистическая идеология в наши дни и есть «отсталая» и «реакционная» идеология. Лишь те антигуманистические выводы, которые сделал из гуманизма коммунизм, стоят на уровне нашей эпохи и связаны с ее движением. Мы живем в эпоху обнажений и разоблачений. Обнажается и разоблачается и природа гуманизма, который в другие времена представлялся столь невинным и возвышен-

ным. Если нет Бога, то нет и человека – вот что опытно обнаруживает наше время. Обнажается и разоблачается природа социализма, выявляются его последние пределы, обнажается и разоблачается, что безрелигиозности, религиозной нейтральности не существует, что религии живого Бога противоположна лишь религия дьявола, что религии Христа противоположна лишь религии антихриста. Нейтральное гуманистическое царство, которое хотело устроиться в срединной сфере между небом и адом, разлагается, и обнаруживается верхняя и нижняя бездна. Богочеловеку противостоит не человек нейтрального и срединного царства, а человеко-бог, человек, поставивший себя на место Бога. Обнаруживаются противоположные полюсы бытия и небытия.

Религия не может быть частным делом, как того хотела новая история, она не может быть автономна, и не могут быть автономны все другие сферы культуры. Религия опять делается в высшей степени общим, всеобщим, всеопределяющим делом. Коммунизм это показывает. Он отменяет автономный и секулярный принципы новой истории, он требует «сакрального» общества, «сакральной» культуры, подчинения всех сторон жизни религии дьявола, религии антихриста. В этом огромное значение коммунизма. В этом он выходит за пределы новой истории, подчиняется совсем иному принципу, который я называю средневековым. Разложение срединно-нейтрального, секулярного гуманистического царства, обнаружение во всем полярно-противоположных

начал и есть конец безрелигиозной эпохи нового времени, начало религиозной эпохи, эпохи нового средневековья. Это не значит, что в новом средневековье обязательно количественно победит религия истинного Бога, религия Христа, но это значит, что в эту эпоху вся жизнь со всех своих сторон становится под знак религиозной борьбы, религиозной поляризации, выявления предельных религиозных начал. Эпоха обостренной борьбы религии Бога и религии дьявола, начал христовых и начал антихристовых будет уже не секулярной, а религиозной, сакральной эпохой по своему типу, хотя бы количественно побеждала религия дьявола и дух антихриста. Поэтому русский коммунизм с разворачивающейся при нем религиозной драмой принадлежит уже новому средневековью, а не старой новой истории. Вот почему о русском коммунизме совсем нельзя мыслить в категориях новой истории, применять к нему категории свободы или равенства в духе французской революции, категории гуманистического мировоззрения, категории демократии и даже гуманистического социализма. В русском большевизме есть запредельность и потусторонность, есть жуткое касание чего-то последнего. Трагедия русского большевизма разыгрывается не в дневной атмосфере новой истории, а в ночной стихии нового средневековья. Ориентироваться в русском коммунизме можно лишь по звездам. Чтобы понять смысл русской революции, мы должны перейти от астрономии новой истории к астрологии средневековья. Россия – в этом своеобразии

ее судьбы – никогда не могла принять целиком гуманистической культуры нового времени, его формальной логики и формального права, его религиозной нейтральности, его секулярной срединности. Россия никогда не выходила окончательно из средневековья, из сакральной эпохи, и она как-то почти непосредственно перешла от остатков старого средневековья, от старой теократии к новому средневековью, к новой сатанократии. В России и гуманизм переживался в предельных формах человекобожества, в духе Кириллова, П. Верховенского, И. Карамазова, а совсем не в духе западной гуманистической истории нового времени. Вот почему России в переходе от новой истории к новому средневековью будет принадлежать совсем особое место. Она скорее родит антихриста, чем гуманистическую демократию и нейтральную гуманистическую культуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.